

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРАБИЗМОВ И ПЕРСИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Аппоев Алим Каншауович, orcid: 0000-0002-2654-8555, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», (Нальчик, Россия), arproev74@mail.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович, orcid: 0000-0002-1656-8368, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», (Нальчик, Россия), ketenchiev@mail.ru

Данная статья посвящена одной из актуальных проблем лексикологии карачаево-балкарского языка, в частности, арабским и персидским заимствованиям. В работе проведен критический анализ научных работ карачаево-балкарских авторов (И.Х. Ахматова, А.-М.Х. Батчаева, А.Ж. Будаева, Ж.М. Гузеева, Х.Ч. Джуртубаева, К.А. Мизиева, Б.Х. Мусукаева и других), связанных с изучением таких аспектов заимствованного из арабского и персидского языков пласта лексики, как выявление и лексико-тематическая классификация заимствований, их фонетическое, семантическое и грамматическое освоение системой карачаево-балкарского языка. Показано, что указанные языковеды при исследовании заимствованной лексики оперируют традиционными методами и приемами структурной лингвистики, релевантной для тюркского языкознания 70–80 годов двадцатого века. Выявлено, что целый ряд заимствованных лексем нуждается в более четкой лингвистической интерпретации, в первую очередь с точки зрения семантики и функционально-грамматической характеристики. Установлены основные характеристики арабизмов и персизмов, выявленные в специальных лингвистических исследованиях. Проанализированный материал показывает, что лексика карачаево-балкарского языка не является закрытой системой, она за время своего существования пополнилась множеством иноязычных слов, что детерминируется интенсивными контактами между различными странами и народами, развитием и расширением международных и межнациональных отношений в различных сферах жизни социума. Кроме того, определены перспективы дальнейшего поливекторного анализа арабских и персидских заимствований, что сопряжено с современной парадигмой лингвистики.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, лексика, арабизмы, фарсизмы, лингвистическая интерпретация.

Систематическое изучение арабизмов и персизмов, функционирующих в карачаево-балкарском языке, началось во второй половине XX-го века. Первым, кто обратил внимание на этот пласт лексики, был карачаевский лексиколог Х.-М.И. Хаджилаев, который в своей монографии «Очерки карачаево-балкарской лексикологии» отвел им специальный раздел [Хаджилаев 1970: 117–150]. Согласно его мнению, персидских заимствований в карачаево-балкарском языке насчитывается около пятидесяти: *абдез* «омовение, очищение», *ант* «клятва», *джан* «душа», *дин* «религия», *намаз* «молитва», *умут* «надежда» и т.п. Он отмечает, что в количественном отношении арабизмов в составе карачаево-балкарской лексики больше, чем персизмов, и приводит свыше двухсот арабских заимствованных лексем, в том числе и онимов: *айыб* «стыд», *акъыл* «ум», *аскер* «войско, армия», *джууаб*

«ответ», *иблис* «дьявол, демон», *инсан* «человек», *къатана* «бархат, плющ», *къудрет* «мощь, сила», *межам* «жилище» и др. Автор в указанном исследовании проводит семантическую интерпретацию заимствованных лексем как в карачаево-балкарском языке, так и в языках, из которых они пришли. Однако в этой работе не обнаруживается их тематическая таксономия, не рассмотрены они и с других позиций. Проанализированный материал представлен в форме словаря двуязычного типа, правда, с семантической интерпретацией и некоторыми пометами, что бы показать частеречную принадлежность той или иной лексемы.

Удачную попытку выявить и системно описать арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке предпринял и А.Ж. Будаев [Будаев 1973: 302–327]. По его подсчетам, лексика карачаево-балкарского языка вбирает в себя около пятисот арабских и персидских слов. Им представлены несколько тематических групп указанных лексем: а) лексемы, сопряженные с исламом; б) лексемы, связанные с распространением арабского письма; в) номинации отдельных предметов быта; г) слова, репрезентирующие абстрактные понятия; г) номинации флоры и фауны; д) адъективные лексемы, обозначающие различные признаки, качества и свойства предметов. Не обойдены вниманием и звуковые изменения, которым подвергаются заимствованные лексемы в карачаево-балкарском языке. Релевантным представляется, на наш взгляд, словарь заимствованных слов, составленный с учетом данных, которые обнаружены в словарях других родственных языков. Вместе с тем у А.Ж. Будаева обнаруживаются и некоторые недочеты. Так, например, он некоторые собственно карачаево-балкарские слова считает арабизмами и персизмами: *къарыш* «расстояние между концами вытянутого большого пальца и мизинца руки (мера длины)», *талаш* «грызня». Имеет место отнесение арабизмов к персизмам: *булбул* «соловей», *жесир* «пленение, плен, пленный», *олий* «правитель, руководитель власти» и др. Некоторые персизмы интерпретируются как арабизмы: *пайгъамбар* «пророк». У автора лексемы типа *къыбылама* «компас» относятся к одному источнику. Однако в них наличествуют два элемента. Первая часть вышеуказанного слова *къыбыла* «юг» представляет собой арабизм, а вторая – видоизмененный персизм (ср. *кыйбланамэ* ар.-перс. сущ. *компас*).

Анализ арабских заимствований проводится и К.А. Мизиевым [Мизиев 1977: 100–105]. У него обнаруживаются некоторые данные относительно истории проникновения арабизмов в карачаево-балкарский язык. Автор отмечает, что они в карачаево-балкарском языке фонетически видоизменяются и приводит примеры на трансформацию ряда гласных и согласных.

Исследуя проблему семантики арабских лексических заимствований, К.А. Мизиев пишет, что во многих тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском языке, со временем подобные заимствования теряют свои прежние значения, переосмысляются и начинают обозначать новые понятия. Согласно мнению автора, арабизм *хабар* «сообщение, новость» в современном карачаево-балкарском языке приобретает еще и другое значение, обозначая литературоведческий термин «рассказ». Лексема *хайыр* «добро, благо» же обозначает понятие «польза». Вместе с тем не ко всем заимствованиям он подходит достаточно квалифицированно. Так, он пишет, что «слово *ийман* «вера, религия» в таком виде в карачаево-балкарском языке не существует, но служит основой для образования целого ряда других слов» [Мизиев 1977: 105]. С этим мнением трудно согласиться без каких-либо оговорок. Данная лексема давно функционирует в языке в значении «вера, верование»: *Ала ийманлары бла ёлурге керек эдиле* (А. Теппеев) «Они должны были умереть в вере». Она употребляется и в переносном значении «совесть»: *Келинни ауузу болмаз, къайын ананы уа ийманы болмаз* (посл.) «У невестки нет языка, а у свекрови – совести», что подтверждается данными второго тома «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» [ТСКБЯ 2002: 85–86]. По подсчетам указанного выше автора, в карачаево-балкарском языке наличествует около четырехсот

лексем арабского происхождения, хотя он сам в своей работе оперирует лишь двумя десятками слов.

Известный языковед Б.Х. Мусукаев, изучая балкарско-кабардинские языковые связи, подробно останавливается на интегрирующей эти языки заимствованной лексике [Мусукаев 1984: 72–86]. Общие для них арабизмы он делит на следующие лексико-тематические группы:

- 1) лексика материальной культуры: *кебин* «саван», *межгит* «мечеть», *нал* «подкова», *сагъат* «часы», *табакъ* «тарелка», и т.п.;
- 2) термины, обозначающие родство: *ахлу* «родственник, родня», *сабий* «ребенок, дитя, младенец»;
- 3) зоонимы: *хайыуан* «скот, скотина, бестолковый»;
- 4) номинации природных явлений: *ажал* «смерть, смертный час», *нюр* «свет, сияние, луч, блеск», *сапыран* «желтуха, болезнь Боткина», *хауа* «воздух»;
- 5) лексика духовной культуры: *адеп* «приличие, добрый нрав, культура поведения», *акъыл* «ум, разум», *аманат* «оставленный на хранение, на чье-либо попечение», *билим* «знание, познание», *дерс* «урок», *макъам* «мелодия, напев», *насын* «счастье, участь, удел», *осуят* «завещание, завет», *хат* «почерк» и т.п.;
- 6) религионимы: *азан* «призыв к молитве», *ахырат* «загробный мир, тот свет», *жаннет* «рай», *жаханим* «ад», *жин* «джинн», *зикир* «религиозная песня» и т.п.;
- 7) лексем с абстрактными значениями: *берекет* «изобилие, обилие, достаток», *заман* «время, период, эпоха», *заран* «вред, убыток, ущерб», *палах* «несчастье, бедствие, беда», *ыразы* «довольный, удовлетворенный, согласный» и т.п.;
- 8) служебные лексем: *тоба* «возглас покаяния, сожаления», *ярабий* «восклицание, выражающее интерес или сомнение».

Персизмы, функционирующие в карачаево-балкарском и кабардино-черкесском языках, Б.Х. Мусукаев делит на четыре группы: а) термины материальной культуры (*базар* «базар, рынок», *сахтиян* «сафьян», *таба* «сковородка», *чарх* «колесо» и т.п.), б) отвлеченные понятия (*гёренке* «фунт», *жан* «живой, душа», *чомарт* «щедрый, великодушный» и т.п.), в) религионимы (*дин* «религия», *намаз* «намаз, моление» и т.п.), г) номинации флоры (*балли* «вишня», *пиринч* «рис», *чюгюндюр* «свекла», *шаптал* «персик»).

Автором не обойден вниманием и вопрос, связанный с фонетической адаптацией заимствованных арабизмов. В связи с этим им выделяются следующие три группы слов: а) арабизмы, которые подверглись адаптации в одинаковой степени как в карачаево-балкарском, так и в кабардино-черкесском языках; б) близкие к фонетической системе кабардино-черкесского языка слова; в) близкие к фонетической системе карачаево-балкарского языка слова [Мусукаев 1984: 104–107]. Он при этом приходит к правомерному выводу, что большое количество арабо-персидских заимствований проникло в языки народов Северного Кавказа через тюркское посредство. Хотя автором и проделана большая работа по лингвистической интерпретации арабизмов и персизмов, у него, на наш взгляд, есть и недочеты, которые выходят на проблему лексико-тематической таксономии заимствований, а также их семантическое освоение.

Значительный вклад в изучение заимствований внес и И.М. Отаров, который в своей монографии «Лексикология карачаево-балкарского языка» проводит системный поливекторный анализ арабизмов и персизмов в карачаево-балкарском языке [Отаров 1996: 56–69]. В этой работе автор представил целый ряд тематических групп арабских заимствований:

- а) лексем, связанные с государством и управлением: *жамауат* // *жамагъат* «сборище, сход, общество, общественность», *миллет* «нация, народ», *хукмат* «правительство» и др.;
- б) слова, связанные с наукой, культурой и образованием: *адабият* «литература», *дерс* «урок», *дефтер* «тетрадь», *китап* «книга», *харф* «буква», и др.;

в) религионимы: *ажал* «смерть, смертный час», *ахырзаман* «конец света», *бисмилляхи* «формула: во имя Аллаха», *дин* «религия», *ийман* «вера в бога, честь, совесть» и др.;

г) термины материальной культуры: *инжи* «бисер», *къатана* «бархат», *табакъ* «миска, тарелка», *хуржун* «карман» и др.;

д) адъективы, обозначающие различные качества: *ажайып* «удивительный, чудесный, поразительный», *асыл* «благородный, чистый, знатный», *закий* «одаренный, талантливый, проницательный, смысленый», *факъыр* «бедный, нищий», *ырахат* «спокойный» и др.;

е) номинации различных абстрактных и конкретных понятий: *акъыл* «ум, разум», *дау* «иск, претензия», *келбет* «облик, образ, вид», *къап* «футляр, чехол», *нал* «подкова», *насийхат* «совет, наставление», *хал* «положение, состояние», *ышан* «признак, внешняя примета» и др.).

В этой работе приводятся и арабизмы, употребляющиеся в карачаево-балкарском языке в качестве антропонимов: *Азамат* «величие, слава», *Бахауатдин* «блеск веры», *Жамал* «красота, грация, прелесть», *Зубайда* «дар», *Масхут* «предмет зависти», *Рашит* «предводитель, ведущий», *Фатима* «отнятая от материнской груди», *Шамса* «солнечная» и т.п.

И.М. Отаровым тематически систематизированы и персидские заимствования, отражающие различные элементы материальной и духовной культуры: *гаммеш* «буйвол», *даража* «степень, сан, чин», *жау* «масло», *кямар* «пояс (женский)», *мажюсю* «язычник», *тузакъ* «ловушка, западня», *тукъум* «род, фамилия», *ыспас* «хвала» и т.п.

Им отмечены также фонетические изменения в области гласных и согласных, например, переходы типа: $a \rightarrow e$, $e \rightarrow a$, $e \rightarrow ы$, $o \rightarrow у$, $у \rightarrow ю$; $k \rightarrow x$, $x \rightarrow къ$, $f \rightarrow п$, $кк \rightarrow к$, $мм \rightarrow м$ и др.

В указанной выше работе автора наличествует и иллюстративный материал, выражающий различные семантические трансформации заимствованных из арабского и персидского языков слов, в частности, сужение, расширение и смещение их семантики, что свидетельствует о их глубоком семантическом освоении.

Заимствованной лексикой карачаево-балкарского языка специально занималась Л.Х. Мисирова. Наряду с заимствованиями из других языков она рассмотрела также арабизмы и персизмы. Она подробно остановилась на вопросах их фонетического освоения системой карачаево-балкарского языка, т.е. переходах гласных и видоизменениях согласных звуков: *адаб* (араб.) $\rightarrow$ *адеп* (карач.-балк.) «хорошие манеры, правила поведения», *вагт* (араб.) $\rightarrow$ *ууахты* (карач.-балк.) «время», *черагъ* (перс.) $\rightarrow$ *чыракъ* (карач.-балк.) «лампа», *чогондор* (перс.) $\rightarrow$ *чюгюндюр* (карач.-балк.) «свекла» и им подобные [Мисирова 2008: 12–13].

Рассматриваемый пласт лексики представлен и в научно-методических работах. Так, И.Х. Ахматов [Ахматов 1988: 18–19] пишет о том, что арабизмы, функционирующие в карачаево-балкарском языке, в основном относятся в первую очередь к субстантивной и адъективной лексике. Им приводятся следующие примеры: а) субстантивы: *азап* «мучение, страдание», *ахырат* «ад», *ууахты* «время, срок», *хакъ* «цена», *хамам* «баня», *шербет* «сладкий напиток» и т.п.; б) адъективы: *акъмакъ* «несообразительный, глупый», *жахил* «необразованный», *мискин* «бедный, жалкий» и т.п. Не обойдены вниманием и персидские заимствования, которые также обозначают в основном различные предметы и их признаки. К ним автор относит следующие лексемы: *багъа* «цена, стоимость; дорого; дорогой», *гетен* «брезент», *пиринч* «рис», *хаман* «постоянно, непрерывно», *чабакъ* «рыба», *бахча* «огород» и т.п. Даются и их персидские варианты: *бага* «цена, стоимость», *бахче* «палисадник, сад», *кэтан* «лен», *пэрэндж* «рис», *чапаг* «лещ», *хэман* «очень быстро, непрерывно». Приведенные лексемы проникли в язык весьма давно и воспринимаются его носителями как исконно карачаево-балкарские. Некоторые

из них в семантическом отношении трансформировались, а другие сохранили значения, присущие для языка-донора.

Арабо-персидские заимствования рассмотрены и в вузовском учебнике Ж.М. Гузеева [Гузеланы Ж.М. 1998: 186–189]. Его автором арабские заимствования подразделяются на следующие группы: а) конкретные и абстрактные субстантивы (*адеп* «воспитанность; вежливость, учтивость», *амал* «способ, метод; выход из положения, путь; возможность», *майдан* «площадь», *сурат* «картина, фотография», и др.); б) нарицательные и собственные имена существительные (*мектеп* «школа, здание», *устаз* «учитель», *харф* «буква»; *Абдул*, *Азрет*, *Алим*, *Хаким* и др.). Им отмечены также адъективные лексемы: *азат* «свободный», *аламат* «прекрасный», *кеф* «пьяный», *хазыр* «готовый» и т.п.

Персидские заимствования в указанном учебнике систематизируются по-другому:

а) слова, обозначающие продукты питания: *балли* «вишня», *жау* «масло», *шаптал* «абрикос», *шекер* «сахар», и др.;

б) слова, связанные с домашней утварью и хозяйством: *мамук* «вата», *мияла* «стекло», *челек* «ведро», *чыракъ* «лампа», *юлле* «трубка» и др.;

в) слова, обозначающие одежду: *бота* «плед», *тасма* «лента», *чарыкъ* «тапочка» и др.;

г) слова, связанные с торговлей: *анасы* «двадцать копеек», *дарман* «лекарство», *шай* «пять копеек» и др.;

д) названия животных: *къадыр* «мул», *суусар* «куница», *хораз* «петух», *чабакъ* «рыба» и др.;

е) слова религиозного характера: *гюнях* «грех», *намаз* «молитва», *файгъамбар* «пророк» и др.

В рассматриваемом учебнике Ж.М. Гузеев, ориентируясь на исследования таких лексикологов, как И.М. Отаров, говорит и о некоторых семантических сдвигах в заимствованных лексемах: 1) уменьшение количества значений многозначных слов, б) увеличение количества значений слов, в) приобретение словами других значений. Отмечены им и некоторые звуковые изменения в составе заимствованных лексем: сингармонизм (*дарман* – *дэрман*, *зыраф* – *исраф*), протеза (*ораза* – *рузе*, *ырахат* – *рахат*), эпентеза (*ибилис* – *иблис*, *къудурет* – *къудрет*), эпитеза (*фахму* – *фахм*, *илму* – *илм*) и др.

Указанная работа не лишена недочетов. Так, например, некоторые слова интерпретируются то как арабизмы, то как персизмы (*сапын* «мыло»). Арабизмы и персизмы систематизируются по различным признакам. Встречается некорректное представление семантических изменений. Например, по мнению автора учебника, полисемантическая арабская лексема *жума* подверглась семантическому сужению и употребляется в карачаево-балкарском языке в значении «байрым кюн (пятница)». Между тем в первом томе «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» [ТСКБЯ 1996: 939] данная лексема дефинируется как «молитва, совершаемая в мечети по пятницам», а понятие *байрым кюн* передается сочетанием *жума кюн*. Кроме того, *шаптал* интерпретируется и как «абрикос», и как «персик». Но в третьем томе указанного словаря [ТСКБЯ 2005: 972] эта лексема передается только как «абрикос». Носители языка персик обозначают сочетанием «тюклю шаптал». Отмечается также, что заимствования начинают подчиняться закону сингармонизма, но упускается из виду и обратное: некоторые арабизмы не подвержены этому закону (*тазир* «штраф», *китап* «книга» и др.).

Некоторые специалисты в области лексики карачаево-балкарского языка обращаются к арабским и персидским заимствованиям попутно, исследуя отраслевую терминологию. Так, А.А. Жаплуев посвятил специальную работу терминам земледелия, в которой приводит ряд арабских (*арба* «арба, телега», *мялк* «хозяйство, владение», *къарантил* «гвоздика», *мал* «скот») и персидских (*чюгюндюр* «свекла»,

принч «рис», *шантал* «абрикос», *харбыз* «арбуз») слов, относящихся к производственно-экономической терминологии [Жаппуев 1974: 15]. По его мнению, указанные слова были заимствованы в древнейшее время. Эти и другие заимствованные лексемы рассмотрены А.А. Жаппуевым и в другой работе [Жаппуев 1979: 65–67]. Проанализировав иллюстративный материал карачаево-балкарского языка, он приходит к выводу, что сельскохозяйственные термины арабского происхождения как отдельные слова малочисленны. Персидские же заимствования в большинстве своем представляют собой названия растений, плодов, а также продуктов, получаемых из них, названия специализированных участков земли, на которых выращиваются растения.

Арабские и персидские заимствования часто встречаются и в сфере зоонимов. По этому поводу Ш.А. Шаваева пишет, что по сравнению с другими лексико-семантическими группами слов, терминов арабского и персидского происхождения, обозначающих животных, в карачаево-балкарском языке мало. Ею приводится около двадцати наименований животных [Шаваева 2009: 8].

Наряду с другими вопросами лексикологии карачаево-балкарскими языковедами традиционно большое внимание уделяется и личным именам арабо-персидского происхождения. Такие слова исследовал Х.Ч. Джуртубаев. По его мнению, самую большую группу среди иноязычных антропонимов составляют заимствования из арабского языка, причиной чего является массовое их проникновение в карачаево-балкарскую антропонию благодаря принятию ислама карачаевцами и балкарцами [Джуртубаев 2004: 19]. Примерно такого же мнения придерживается и Б.Х. Мусукаев, который отмечает, что «выбор родителями имени ребенка в условиях господства любой религии, в том числе – мусульманской, был обусловлен глубоким проникновением в духовную жизнь народа идеи о добре и зле, связанной с религиозными догмами о земной и загробной жизни человека» [Мусукаев 2007: 47].

Большое количество мужских и женских арабо-персидских имен рассмотрел А.-М.Х. Батчаев [Батчаев 2008: 157–167]. Им предпринята попытка дать отдельные списки личных имен арабского и персидского происхождения. Однако ряд антропонимов он дает с пометой *ар.-фарс.*: *Сурат* «образ; картинка; картинная», *Сафиназ* «прямая, чистая», *Анвар* «помощник, сподвижник (пророка)», *Айвар* «красивый, как луна», *Мырза* «князь, господин, царевич» и др.

Б.Х. Мусукаевым выявлены и описаны топонимы (*Азан сырты*, *Ашамииш оба*, *Деука обасы*, *Капыр шауданла*, *Къалын обала*, *Межгит дорбун*, *Шайтан суу* и т.п.), сопряженные с мусульманской религиозной символикой, которых не так много. По всей видимости, это связано с тем, что ислам в Балкарии утвердился относительно недавно [Мусукаев 2008: 92–96].

Арабские и персидские заимствования подвергаются анализу также в работах, посвященных изучению языка и стиля некоторых карачаевских поэтов и писателей. А.-М.Х. Батчаев дал толкование около двадцати арабизмов и персизмов, функционирующих в романе Х. Аппаева «Къара кюбюр» и в поэзии карачаевского поэта А. Ургенова [Батчаев 2008: 125–157]: *аба* «название шерстяной одежды в виде плаща», *ассы* «1) восставший, неповинующийся, непокорный; 2) повстанец; 3) грешный, грешник», *аптиек* «введение в изучение мусульманского богословия», *гюнах* «грех, проступок», *хаджи* «человек, совершивший паломничество в г. Мекку» и др.

Некоторые аспекты арабских и персидских заимствований в карачаево-балкарском языке были освещены и в ряде научных статей лингвиста молодого поколения Р.А. Хаджиева. Им скрупулезно рассматриваются следующие проблемы: 1) функционирование арабских и персидских заимствований в карачаево-балкарских паремиях [Хаджиев 2010а]; 2) функционирование арабских и персидских заимствований в карачаево-балкарских фразеологических единицах [Хаджиев 2010б];

в) семантическая классификация арабизмов и фарсизмов [Хаджиев 2012а]; е) религиозная терминология [Хаджиев 2012б].

Арабизмы и персизмы, функционирующие в карачаево-балкарском языке, еще не подвергались должной лексикографической обработке, как это делается специалистами в других тюркских языках. Например, составители «Толкового словаря башкирского языка» [1993] предусмотрели пометы *эар.* (арабское слово), *фарс.* (персидское слово), чего не сделано составителями «Толкового словаря карачаево-балкарского языка». Здесь необходимо лишь отметить «Словарь природы» С.С. Ахматовой [Ахматова 2009], в который помещен ряд арабизмов с толкованиями, не в полной мере отвечающими сложившейся лексикографической практике.

На современном этапе наблюдается расширение аспектов изучения арабо-персидских заимствований. Так, появляются работы, в которых арабизмы и персизмы рассматриваются в составе этнографической лексики [Аппоев 2003], в сфере интерперсональных отношений [Кетенчиев и др. 2018] и космонимов [Abdullina et al. 2017]. Имеются попытки их лингвокультурологической интерпретации [Ахматова, Кетенчиев 2018].

Следует отметить и тот факт, что интерес к арабо-персидским заимствованиям проявляется и в научных трудах литературоведов, занимающихся проблемами религиозной культуры [Биттирова 1999], а также духовной литературы, рассматриваемой как фактор сохранения национальной идентичности [Узденова 2018; Vetuganova et al. 2019].

Таким образом, как видно из проанализированного выше фактологического материала, арабские и персидские заимствования занимают важное место в системе карачаево-балкарского языка. Они подверглись многоаспектному скрупулезному анализу в научных трудах карачаево-балкарских филологов. Тем не менее такого рода заимствования все еще имеют перспективы для дальнейшего лингвистического исследования, что связано не только с традиционными подходами к их изучению (установление исчерпывающего реестра заимствованных слов и составление словарей различных типов, их фонетическое, семантическое и грамматическое освоение карачаево-балкарским языком), но и современной антропоцентрической парадигмой науки о языке, ориентированной на междисциплинарные научно-теоретические изыскания.

Источники и литература

1. Аппоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 23 с.
2. Ахматов И.Х. Лексика карачаево-балкарского языка в сравнительном отношении. Конспект лекций. Нальчик, 1988. 28 с.
3. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Репрезентация концепта «ум» в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 2 (30). С. 57–64. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-2(30)-57-64.
4. Ахматова С.С. Словарь природы: Карачаево-балкарско-русский и русско-карачаево-балкарский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2009. 144 с.
5. Батчаев А.-М.Х. Слова... и чувства, и мечты (статьи, очерки, стихотворения, рассказы). Черкесск, 2008. 253 с.
6. Биттирова Т.Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. Карачаевск: КЧПУ, 1999. 66 с.
7. Будаев А.Ж. Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7. С. 302–327.
8. Башкорт теленең һүзлеге: Ике томда. М.: Русский язык, 1993 (I том – 861 б., II том 814 б.).
9. Гузеланы Ж.М. Бусагъатдагы къарачай-малкъар литература тил. 1-чи кесеги. Нальчик: Эльбрус, 1998. 304 б.

10. Джуртубаев Х.Ч. Лексический состав и семантические типы карачаево-балкарских антропонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 22 с.
11. Жантуев А.А. Термины земледелия в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 30 с.
12. Жантуев А.А. Заимствованная и общетюркская земледельческая терминология карачаево-балкарского языка // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. Вып. 1. Нальчик, 1979. С. 65–84.
13. Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Девеева А.А. Вербализация семьи в карачаево-балкарском фольклоре // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 81–84.
14. Мизиев К.А. Об арабских заимствованиях в карачаево-балкарском языке // Исследования по карачаево-балкарскому языку. Нальчик, 1977. Вып. 1. С. 100–106.
15. Мисирова Л.Х. Заимствования в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 23 с.
16. Мусукаев Б.Х. Балкарско-кабардинские языковые связи. Нальчик: Эльбрус, 1984. 128 с.
17. Мусукаев Б.Х. Очерки балкарской ономастики. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007. 171 с.
18. Мусукаев Б.Х. Мусульманская религиозная символика в топонимии Балкарии // Семантика языковых единиц: Сборник научных статей кафедры балкарского языка КБГУ, посвященный 70-летию со дня рождения профессора И.Х. Ахматова. Нальчик, 2008. С. 92–96.
19. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1996. 220 с.
20. ТСКБЯ 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. I А-Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1016 б.
21. ТСКБЯ 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. II З-Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1168 б.
22. ТСКБЯ 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. III С-Я. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 1157 б.
23. Узденова Ф.Т. Духовная литература как фактор сохранения национальной идентичности // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1 (36). С. 111–113.
24. Хаджиев Р.А. Функционирование арабских и персидских заимствований в составе карачаево-балкарских паремий // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии: Сборник статей к 70-летию Ж.М. Гузеева. Нальчик, 2010а. С. 162–167.
25. Хаджиев Р.А. Функционирование арабских и персидских заимствований в составе фразеологизмов карачаево-балкарского языка // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии: Сборник статей к 70-летию Ж.М. Гузеева. Нальчик, 2010б. С. 168–173.
26. Хаджиев Р.А. Лексико-тематическая таксономия арабизмов и фарсизмов в карачаево-балкарском языке // Наука и устойчивое развитие: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Нальчик: Изд-во Принт-Центр, 2012а. С. 220–221.
27. Хаджиев Р.А. Религиозная терминология в карачаево-балкарском языке (на материале авторской поэзии) // Дагестанская литература: история и современность. Выпуск VI. Материалы всероссийской научно-практической конференции «К проблеме нового прочтения и осмысления национальных литератур народов Кавказа» (История литератур народов Кавказа: новое прочтение, новое осмысление), посвященной 80-летию со дня рождения А. Абу-Бакара. Махачкала: ДГПУ, 2012б. С. 133–135.
28. Хаджилаев Х.-М.И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970. 160 с.
29. Шаваева Ш.А. Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2009. 23 с.
30. Abdullina G.R., Gadziakhmedov N.E., Ketenchiev M.B., Nasipov I.S. Cosmonyms in turkic languages (linguistic analysis) // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2017. Т. 7. № 9.1. P. 208–213.
31. Betuganova Y.N., Uzdenova F.T., Dodueva A.T., Khubolov S.M. Problem of National Identity and Ways of its Resolution in Works of Adyghe and Karachay-Balkarian Authors // Tarih kultur ve sanat arastirmalari dergisi-journal of history culture and art research. 2019. Т. 8. № 2. P. 660–670.

LINGUISTIC INTERPRETATION OF ARABISMS AND PERSISMS IN THE KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

Appoev Alim Kanshauovich, orcid: 0000-0002-2654-8555, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector, Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», (Nalchik, Russia), appoev74@mail.ru

Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich, orcid: 0000-0002-1656-8368, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Karachai-Balkarian Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov», (Nalchik, Russia), ketenchiev@mail.ru

This article is devoted to one of the topical problems of the lexicology of the Karachai-Balkar language, in particular, to Arabic and Persian borrowings. The paper provides a critical analysis of the scientific works of Karachai-Balkarian authors (I.Kh. Akhmatova, A.-M.Kh. Batchaev, A.Zh. Budaev, Zh.M. Guzeev, Kh.Ch. K.A.Miziev, B.Kh. Musukaev and others), associated with the study of such aspects of the lexicon borrowed from the Arabic and Persian languages as the identification and lexical-thematic classification of borrowings, their phonetic, semantic and grammatical development by the Karachay-Balkarian language system ... It is shown that the aforementioned linguists in the study of borrowed vocabulary operate with traditional methods and techniques of structural linguistics, which are relevant for the Turkic linguistics of the 70–80s of the twentieth century. It was revealed that a number of borrowed lexemes need a clearer linguistic interpretation, primarily from the point of view of semantics and functional-grammatical characteristics. The main characteristics of Arabisms and Persisms, identified in special linguistic studies, are established. The analyzed material shows that the vocabulary of the Karachai-Balkarian language is not a closed system; during its existence, it has been replenished with many foreign words, which is determined by intensive contacts between different countries and peoples, the development and expansion of international and interethnic relations in various spheres of society. In addition, the prospects for further multivector analysis of Arabic and Persian borrowings have been identified, which is associated with the modern paradigm of linguistics.

Keywords: Karachay-Balkar language, vocabulary, Arabisms, farcisms, linguistic interpretation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-42-50